

ПОЗИЦИЯ РОССИИ В КОСОВСКОМ КОНФЛИКТЕ

В.А. Бурковская (Елец)

Исторические связи России и Сербии имеют многовековую традицию, начиная, как минимум, со времён Крещения Руси. Однако, в течение последних столетий российско-югославские и в частности, российско-сербские отношения были довольно нестабильными, переживая периоды охлаждения и сотрудничества. Политический и национальный кризис в Югославии в начале 1990-х гг. совпал с окончанием длительного периода стагнации отношений между СССР и Югославией, когда балканское направление не считалось приоритетным для советской, а затем и российской внешней политики. В таких условиях в СССР и СФРЮ почти одновременно разразились национально-политические кризисы.

С начала 1990-х гг. внешняя политика России на балканском направлении прошла несколько эволюционных стадий.

1. Период внешнеполитической неопределенности 1991 – 1992 гг., наступивший практически сразу после распада СССР. Вплоть до февраля 1992 г. Рос-

сия исходила из принципа невмешательства во внутренние дела Югославии. После подписания в декабре 1991 г. Беловежских соглашений, зафиксировавших распад СССР, в условиях отсутствия общегосударственного механизма разработки и принятия внешнеполитических решений сфера внешней политики была фактически полностью монополизирована руководством МИД [2, с. 13]. Президент России фактически не интересовался вопросами тактики поведения России на Балканах, впрочем, как, и в других регионах. Внешнеполитическая стратегия в этот период полностью отсутствовала. Поэтому на начальном этапе «Югославского кризиса» основным вдохновителем и разработчиком российского внешнеполитического курса был министр иностранных дел А. Козырев. При отсутствии теоретически и практически обоснованной внешнеполитической концепции нового российского государства, политика на отдельных направлениях, в том числе и на балканском, часто формировалась спонтанно. Нагнетание балканского кризиса пришлось, таким образом, на период, когда в России преобладали популистские антикоммунистические настроения, отрицались методы и достижения внешней политики советского периода, включая «сферы влияния», произошло резкое охлаждение отношений с союзниками бывшего СССР и было официально объявлено об отсутствии внешнеполитических противников и гегемонистских планов, а новая российская пыталась налаживать дружеские отношения с лидерами западных стран, стремясь ни в чем им не противоречить. Впрочем, теми же самыми путями двигались и югославские лидеры, стремясь абстрагироваться от социалистического прошлого и влиться в западноевропейский мир.

2. С февраля 1992 г. Москва резко изменила оценку событий в Югославии, проявив резкий интерес к Балканам и признав факт распада федерации. В этот период балканская политика России, устранившейся от участия в урегулировании югославского кризиса, характеризовалась довольно противоречивыми и непоследовательными заявлениями.

3. Период с 1993 по 1995 г. характеризовался попытками России включиться в формирующуюся систему европейской безопасности и в мировое сообщество в качестве равноправного демократического государства. В соответствии с этим курсом активность российской дипломатии на Балканах целиком и полностью была подчинена политическим интересам США и других западных держав. В этих обстоятельствах Россия играла роль последнего инструмента давления на сербов. Этот период характеризовался несамостоятельностью внешней политики России, ее зависимостью от позиции западных держав, прежде всего США. К концу 1995 г. Россия перестала влиять на ход событий в балканском регионе.

4. Период с начала 1996 г. характеризовался осознанием российскими лидерами невозможности быстрой интеграции страны в «западный мир» и систему европейской безопасности. Наряду с другими факторами, приведшими к изменению российской внешнеполитической концепции, важную роль сыграли и первые итоги балканского кризиса, которые проявились уже к началу 1996 г. Среди набравших силу негативных тенденций в деятельности «мирового сообщества» во главе с западными странами, особенно ярко проявившихся на постюгославском пространстве, было закрепление в международных отношениях «права и закона силы», признание международными организациями административных границ многонационального государства как межгосударственных по просьбе субъектов федерации без согласия на то центра; изменение сути миротворческой концепции ООН, переход к применению силы для наказания непослушной или несговорчивой стороны конфликта, возможность участия войск НАТО в миротворческих операциях [2, с. 15].

С назначением в начале 1996 г. министром иностранных дел Е. Примакова внешняя политика России серьезно видоизменилась. В августе 1996 г. Е. Примаков впервые заявил о приоритете национальных интересов России над всеми другими внешнеполитическими соображениями. Он подчеркивал, что необходимо «отстаивать национальные интересы России, идя даже на разногласия, предположим, с США, – но в рамках партнерства, не сползая к конфронтации» [3, с. 7]. Министр подчеркнул, что «двухполюсный мир ранее соперничавших двух сверхдержав и блоков должен эволюционировать не к однополюсному под командой США, а к многополюсному, где у России больше маневра для защиты национальных интересов» [4, с. 3]. Эти тезисы отражали поиск новых ориентиров во внешней политике России, но балканская политика еще не имела четких ориентиров.

Со временем внешнеполитическая концепция Е. Примакова стала более рельефной. Участие России в Контактной группе и в процессе реализации Дейтонских мирных соглашений по Боснии, а также политическая нестабильность и новые этнические конфликты на Балканах обусловили рост значения балканского курса российской внешней политики. Важную роль здесь сыграли и другие внешнеполитические задачи: поиск стран, не стремящихся войти в НАТО, определение места России в складывающейся системе европейской и мировой безопасности. По уровню экономического развития Россия оставалась ближе к балканским странам, чем к развитым странам Европы. Участие в процессе мирного урегулирования на Балканах и степень влияния России на процесс принятия международных решений, касающихся этого региона, стали важнейшим показателем места и роли России в системе международных отношений. Е. Примаков также связывал активную роль России на Балканах со способностью мирового сообщества преодолеть новые угрозы международной безопасности и «не допустить превращения Косово в одну из наиболее опасных горячих точек на земном шаре» [5, с. 14].

В ходе обсуждения косовского вопроса российская дипломатия первоначально чувствовала себя несколько неуверенно среди западных партнеров. Однако постепенно Россия стала высказывать особое мнение по ряду вопросов. Параллельно этому политика России на Балканах приобретала более четкие очертания, чему во многом способствовало развитие ситуации в самом Косово.

В апреле 1998 г. Е. Примаков выразил позицию России более определенно, выступив против попыток отделения Косово от Сербии и размещения в крае «иностранных войск под чьим бы то ни было флагом» [5, с. 14]. Высказав опасения по поводу создания прецедента применения Североатлантическим альянсом военной силы без соответствующего мандата со стороны Совета Безопасности ООН, Е. Примаков решительно выступил против любого военного вмешательства в косовский конфликт.

Линия Примакова получила конструктивное продолжение и при его преемнике – И. Иванове, назначенном на пост министра в сентябре 1998 г. по рекомендации Е. Примакова. Внешнеполитическое кредо И. Иванова не многим отличалось от кредо его предшественника, что позволяет говорить о определенной единой линии двух министров. Продолжая курс на сохранение территориальной целостности Югославии, И. Иванов выступил против применения силы для решения косовской проблемы. В октябре 1998 г. решительная и последовательная политическая позиция Москвы сыграла важную роль в предотвращении военного вмешательства НАТО на территории Югославии.

В целом однозначно оценить позицию России в отношении урегулирования косовского конфликта сложно, прежде всего в силу ее противоречивого характера. С одной стороны, Россия поддерживала применение разнообразных «мер

воздействия» на Югославию за исключением военной силы, отклонила просьбу Югославии рассмотреть в Совете Безопасности вопрос об осуждении угроз НАТО нанести воздушные удары по территории СРЮ и не возражала против максимального расширения статуса автономии для Косово «с выходом на федеративный уровень», что неизбежно приближало Косово к созданию независимой республики [1, с. 547]. С другой стороны, И. Иванов решительно выступал против вооруженного вмешательства НАТО в югославские дела без санкции Совета Безопасности и поддержал позицию Белграда, согласившегося рассматривать только политическую часть мирного соглашения, предложенного Контактной группой участникам косовского конфликта. Одновременно, в декабре 1998 г. Россия и Югославия подписали протоколы о военно-техническом и научно-техническом сотрудничестве в области обороны.

В 1997 – 1998 гг. в российских властных структурах впервые наметилось совпадение интересов по вопросам урегулирования югославского кризиса. В октябре 1998 г. Госдума провела слушания на тему «Угрозы европейской безопасности в связи с расширением НАТО (на примере событий на Балканах)», по итогам которых депутаты признали «непосредственную (без участия ООН) деятельность НАТО по урегулированию конфликтов в Боснии и Албании разновидностью недопустимого вмешательства во внутренние дела суверенных государств или вооруженной агрессией» [1, с. 590]. Россия решительно осудила военную операцию НАТО против СРЮ как агрессию против суверенного государства и выступила инициатором поиска политического урегулирования этой проблемы.

В целом с начала 1990-х гг. внешняя политика России прошла сложный путь – от полного бездействия и беспомощности активному отстаиванию национальных интересов, в том числе и в балканском регионе.

1. Гуськова, Е.Ю. История Югославского кризиса (1990 – 2000) / Е.Ю. Гуськова. – М.: Русская правда, 2001. – 720 с.
2. Косово: международные аспекты кризиса / Под ред. Д. Тренина и Е. Степановой; Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 1999. – 309 с.
3. Примаков, Е. На горизонте – многополюсный мир / Е. Примаков // Независимая газета. – 1996. – 6 апреля. – С. 7.
4. Примаков, Е. [Интервью] / Е. Примаков // Известия. – 1996. – 9 августа. – С. 3.
5. Примаков, Е.М. Россия в мировой политике / Е. Примаков // Канцлер А. М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. – М.: МИД РФ, 1998. – С. 14.